

Человек и слон / сказка

Category: Ertekiler, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Человек и слон / сказка ЧЕЛОВЕК и СЛОН

Старый замок в Або – одно из старейших строений Финляндии. Некогда король Юхан III, будучи герцогом Финляндским, вместе со своей супругой-полячкой, Катариной Ягеллоникой, держал здесь двор, и здесь же находился в заточении король Эрик XIV. Долгие годы в темнице замка томились узники. В настоящее время в нем – превосходный исторический музей.

Жил-был когда-то старый – семисот лет от роду – домовой. А борода у него была такая длинная, что он мог дважды обернуть ее вокруг талии. От старости он весь согнулся, словно древний стальной лук, натянутый до отказа. Домовой частенько похвалялся, что он-де самый старый домовой во всей стране. И даже домовой из кафедрального собора, которому было всего лишь пятьсот пятьдесят лет, величал его дядюшкой. Все прочие мелкие домовые Финляндии считали его главой рода: домовой он был хороший, предельно честный, дельный, хотя и у него были свои слабости. Обитал он в самом глубоком подземелье Абоского замка, в так называемой Полой башне. Там в стародавние времена содержались самые отпетые и опасные преступники, которым никогда уже более не суждено было увидеть белый свет. «Апартаменты» домового в Полой башне, оборудованные всеми возможными удобствами, поражали своей роскошью. Не было там недостатка в мусорных кучах, разбитых вдребезги кувшинах, рваной рогоже, непарных сапогах и перчатках, ломаных игрушках, оконных створках без стекол, в ушатах и чанах без днищ, изгрызенных крысами книгах без переплетов и многом другом, совершенно неопишущем великолепном мусоре. Башня тщательнейшим образом была задрапирована паутиной самых изысканных узоров и усеяна небольшими лужицами, непрерывно пополнявшимися водой в течение сотен лет.

В этом удобном обиталище домовому жилось так хорошо, что он

редко искал общества вне дома – тем более, что других домовых старый батюшка-домовой из подземелья вообще в грош не ставил и не считал их достойными какого-либо внимания.

– В мире нынче все измельчало, – говорил он. – Домовые годятся теперь лишь на то, чтобы строить беседки в садах да латать детские игрушки, чистить сапоги да подметать пол. Люди презирают их и не удостоивают даже угощения – плоски каши в рождественский вечер. Посмотрел бы ты на стариков – домовых в мое время! Мы сдвигали скалы и строили башни.

У старого домового было всего лишь два давних друга, которых он жаловал: домовой из кафедрального собора и старый привратник из замка, Маттс Мурстен. Домового из собора он посещал раз в двадцать лет и точно так же, раз в двадцать лет, домовой из кафедрального собора навещал старого домового из замка. У них был кратчайший путь друг к другу через знаменитый подземный ход между замком и собором, ход, о котором рассказывают все жители Або, хотя никто из них его не видел. Домовым было совсем нетрудно прокрадываться через тесный ход, они ведь могут пролезть и в замочную скважину. Гораздо хуже обстояло дело с существами человеческими. Привратник Маттс Мурстен знал это лучше кого-либо другого, потому что он был единственным человеком, которому удалось проползти через этот ход. И вот тогда-то он впервые и познакомился со старым домовым из Абоского замка.

Маттс Мурстен был в то время проворным и беспечным мальчуганом двенадцати лет. Он искал старые пули от мушкетов среди древнего хлама в подземелье замка, когда однажды утром обнаружил лаз в подземный ход. Вот он и надумал узнать, куда может привести эта дыра.

Он продвинулся довольно далеко вперед, когда камни за его спиной обрушились и преградили ему путь назад. Это ничуть не опечалило Маттса; ведь где-нибудь он, верно, сможет вылезти из подземного хода! Но случилось так, что камни обрушились и перед ним. Маттс оказался в западне – ни вперед, ни назад. Так бы он, видно, сидел, пригвожденный к этому месту, и поныне, если бы все это не произошло в тот самый день, когда домовые из замка и кафедрального собора имели обыкновение раз в

двадцать лет навещать друг друга. Домовой из замка шел как раз к домовому из собора и неожиданно увидел мальчугана, который застрял в куче мусора, как лисенок в капкане!

И сердце домового дрогнуло: хотя домовые страшно обидчивы – они добросердечны.

– Ты что здесь делаешь? – рыкнул он на Маттса.

– Ищу старые пули, – дрожа ответил Маттс.

Домовой засмеялся.

– Держись крепче за голенище моего сапога, – сказал он, – и я помогу тебе выбраться отсюда.

Маттс протянул руку, нащупал в темноте голенище сапога домового и крепче ухватился за него. Они быстро двинулись вперед, ловко пробираясь между камнями и щебнем, и тут домовый сказал:

– Вылезай через эту дыру!

Маттс, по-прежнему ничего не видя, ухватился за творило лаза, которое поднималось вверх, и вскоре очутился на высоких хорах кафедрального собора, где в полном облачении стоял епископ, собираясь отправлять службу.

– Посмотрите-ка на него, – сказал епископ. – И что тебе понадобилось в винном погребе собора?

Маттс подумал, что епископ вряд ли опаснее старого домового, и откровенно ответил, что искал мушкетные пули. Епископ счел, что ему, облаченному в такие праздничные одежды, смеяться не подобает. И лишь указал мальчику пальцем на заднюю дверцу. Маттс не мешкая, убрался подальше.

С этого дня между Маттсом Мурстетном и старым домовым из Абоского замка завязалась своего рода дружба. Маттс его не видел – ведь старый домовый ходил чаще всего в своей серой куртке и черной мерлушковой шапке, которая, если ее вывернуть наизнанку, делала домового невидимкой. Домового забавляло помогать – это в обычае домовых – благоденствию Маттса на этом свете. И у мальчика, и вправду, все шло на удивление хорошо.

Когда Маттсу Мурстену исполнилось тридцать лет, он стал привратником в Абоском замке. Целых пятьдесят лет он с честью справлял свою должность, а когда ему исполнилось восемьдесят, вышел в отставку с пенсионом, передав свою должность мужу

внучки – Андерсу Тегельстену. Он еще много лет прожил в старом замке, где некогда искал пули в подземелье.

Дружба между домовым и привратником стала настолько душевной, насколько это возможно между домовым и человеком. Маттс, уже больше не беспокоясь о том, что узники из замка сбегут, пользуясь свободным временем, бродил, где ему вздумается, по старому замку, исправлял повреждения, затыкал разбитые оконные рамы, чтобы снег и дождь не могли проникнуть сквозь щели в крыше. Во время своих блужданий он часто встречал старого домового, хотя и не видел его. Домовой занимался теми же самыми делами, что и привратник, потому что оба старика ничего на свете так не любили, как свой замок. Никто, кроме них, не заботился об этой древней постройке. Стоит, так стоит, а рухнет – туда ему и дорога. Над замком бушевали пожары, над ним проносилось время, зимы врывались в него снегом, лета – дождем, ветер сотрясал его трубы, крысы прогрызали дыры в полах, дятлы разбивали оконные переплеты, своды подземелья грозили обрушиться, а башни подозрительно клонились книзу. Абоский замок уже давно превратился бы в кучу щебня, если бы домовый постоянно то и дело не исправлял все повреждения. А теперь еще у него появился помощник в лице старого Мурстена.

Семисотлетнее сердце домового дрогнуло. В один прекрасный день он вывернул мерлушковую шапку мехом наружу и тут же перестал быть невидимкой. Откуда он только взялся! Когда старый Мурстен увидел маленького, ласково ухмылявшегося старика с длинной белой бородой и согбенной спиной, он чуть не рухнул от страха с лестницы башни. С испугу он хотел было перекреститься, как это еще делалось во времена его детства, но домовый своим вопросом опередил старика:

– Ты боишься меня?

– Не-е-ет, – заикаясь, ответил привратник, но все же, набравшись смелости, спросил:

– А с кем имею честь...

Домовой засмеялся со свойственным ему лукавством.

– Ах вон что, ты не имеешь чести меня знать. Помнишь, кто-то сказал тебе: «Держись крепче за голенище моего сапога!»,

когда тебе было двенадцать лет? Помнишь, кто-то задул свечу, когда ты заснул над книгой, и кто-то же отыскал твой сапог в море, когда ты упал с причала? Помнишь, кто-то подчистил кляксу, когда ты писал прошение о должности привратника? А знаешь, кто все ночи напролет ходил по замку, пока ты спал, и следил, чтобы все двери узников были надежно заперты? Это был я. Полагаю, Маттс Мурстен, мы старые знакомые. Станем теперь друзьями!

Привратник сильно смутился. Он, конечно, догадался, кто был перед ним, и как добрый христианин страшился общения с нелюдем. Но он и виду не показал и с тех пор привык встречать старого домового то тут, то там во время своих странствий по замку.

К тому же рассказы домового об Абоском замке стоили того, чтобы их послушать. Ведь вся жизнь замка с самого начала его существования прошла на глазах домового; он помнил все, словно это было вчера. Он видел святого Эрика и святого Хенрика. Он знал всех хёвдингов (вождь, предводитель. – Пер.) этого замка. Он видел герцога Юхана и его блистательный двор, он видел пленного короля Эрика, Пера Брахе, который принимал первых профессоров в Абоской Академии, и многих других прославленных мужей. Домовой рассказывал о многих осадах замка и злосчастных судьбах его обитателей во времена пожаров и войн.

Самый страшный пожар случился тогда, когда домовый уехал навестить своих кузин, домовых из Тавастехуса.

После этого события он решил больше никогда не покидать Або.

Внимательно слушая домового, привратник следовал за ним из одного зала в другой, из одного подземелья в другое. И вот однажды они пришли к Полой башне.

– Не хочешь ли спуститься ко мне вниз и поглядеть, как я живу?
– спросил домовый.

– О да, – ответил привратник не без тайного трепета, но любопытство взяло верх – в Полой башне он никогда не был.

Они спустились вниз: домовый впереди, привратник сзади. Внизу было темно, хоть глаз выколи, страшно холодно, сыро и смрадно.

– Разве я не уютно устроился? – спросил домовый.

– Верно это так, коли вам по вкусу, – вежливо ответил Маттс

Мурстен, наступив в тот же миг на лапку дохлой крысы, лапку, которая тут же хрустнула у него под ногой.

– Да, у вас, людей, какая-то удивительная страсть к солнечному свету и воздуху, – засмеялся домовой. – У меня же есть нечто гораздо лучшее. Приходилось ли тебе дышать более целительным воздухом? А свет, который есть у меня, куда лучше солнечного, вот увидишь. Мурра, старая ты троллиха, где ты пропадаешь? Иди сейчас же сюда и посвети моему собрату по ремеслу.

При этих словах что-то черное прокралось едва слышными шагами из самого отдаленного угла, влезло на камень и вытаращило два огромных сверкающих зеленых глаза.

– Ну как, по душе тебе мое освещение? – любопытствовал домовой.

– Это кошка? – спросил привратник, одержимый острым желанием очутиться подальше отсюда.

– Да, сейчас Мурра – кошка, но она не всегда была кошкой. Она сторожит мой двор и единственная, с кем я общаюсь. Она добрая тварь, когда не злится. Безопасности ради не подходи к ней слишком близко. Я могу обойтись без общества, но мне нужна дворовая стража. Хочешь посмотреть мою сокровищницу?

– Благодарю покорно, я не любопытен, – ответил продрогший привратник, а про себя подумал, что сокровище домового, верно, такое же замечательное, как воздух и освещение в его башне.

– Как прикажешь! – обиделся домовой. – Сдается мне, ты принимаешь меня за нищего. – Иди-ка сюда, погляди! – С этими словами он отворил маленькую заржавелую дверцу, прятаясь в самом темном углу, подо мхом, плесенью и паутиной. Кошка Мурра словно тень проскользнула в эту дверцу и осветила своими сверкающими глазами подземелье, набитое золотом, серебром и драгоценными камнями, дорогой придворной одеждой, великолепными доспехами и прочими стародавними сокровищами. Домовой оглядывал все эти драгоценности с каким-то жадным удовлетворением. А потом, похлопав гостя по плечу, сказал:

– Признайся, Маттс Мурстен, что я вовсе не такой бедняк, как ты по простоте душевной представлял себе. Все это – мое, полученное по праву имение. Всякий раз, когда в замке случался пожар или его разоряли враги, я невидимкой бегал по залам,

подземельям и прятал драгоценные сокровища, которые, как ныне принято считать, стали добычей огня или неприятеля. О, как это прекрасно, как прекрасно быть таким богатым!

– Но что вы делаете со своим богатством, вы, который так одинок? – осмелился спросить привратник.

– Что я с ним делаю? Я люблюсь им дни и ночи напролет, я сохраняю, я защищаю его. Разве я, у кого такое общество, одинок?

– Ну а если кто-нибудь выкрадет ваше сокровище?

Мурра поняла вопрос и свирепо фыркнула. Старый домовый крепко схватил своего напуганного гостя за руку и, не ответив на вопрос, повел его к другой железной дверце. Он лишь слегка ее отворил, как оттуда вырвалось ужасное рычание, казалось, рычат сотни хищников.

– А ты не думаешь, – воскликнул хриплым от гнева голосом маленький старичок, – ты не думаешь, что несчастные людишки уже не раз жаждали захватить мои сокровища! Они лежат здесь, эти разбойники, связанные по рукам и ногам. Все они теперь – волки, и если у тебя есть охота попытаться сделать то, что пытались сделать они, ты разделишь их участь.

– Боже, сохрани нас, – выдохнул кроткий привратник.

Когда домовый увидел, как испугался его гость, к нему вернулось его хорошее настроение и он сказал ровным голосом:

– Не принимай это так близко к сердцу. Ты честный малый, Маттс Мурстен, и поэтому я открою тебе еще кое-что. Ты видишь здесь и третью железную дверцу, но ее не смеет отворить никто, даже я. Глубоко внизу под фундаментом замка сидит тот, кто гораздо старше и гораздо могущественнее меня. Окруженный своими спящими воинами, там сидит старый Вяйнямейнен и ждет, когда борода его, которая гораздо длиннее моей, вырастет настолько, что сможет обвиться вокруг каменного стола. И тогда наступит конец его заточению. Борода растет с каждым днем, и каждый день он проверяет, хватит ли ее обвить вокруг стола. Но когда он видит, что еще немного недостает, он очень грустит, и тогда звуки его кантеле так отчетливо слышны сквозь толщу скал, что к ним прислушиваются даже старые стены замка. А здешняя река на воле выходит из берегов, чтобы лучше слышать. И тогда его

богатыри просыпаются, поднимаются во весь рост и ударяют мечами о щиты с такой силой, что своды замка содрогаются.

– Ну а теперь, мой друг Маттс Мурстен, разумнее тебе подняться наверх к людям. А не то ты услышишь больше, чем сможешь выдержать. Но я чуть было не забыл, что ты мой гость и тебя нужно угостить. Могу себе представить, что тебя не прельщают такие лакомства, как студень из паутины или приправленная пряностями вода из лужи... Не стесняйся, говори начистоту. Хочешь кружку пива? Иди за мной, у меня есть немало всяких припасов. Часто я думал, зачем я храню разный ненужный хлам, но теперь вижу, что он все же на что-нибудь да и годится.

Домовой вынес из сокровищницы серебряный кубок и налил в него блестящую, темно-коричневую жидкость из большой дубовой бочки. Привратник сильно озяб и не смог не отведать нива – оно оказалось ничуть не хуже самого благородного вина. Привратник даже осмелился спросить, откуда у домового такой драгоценный напиток.

– Это из оставшейся от герцога Юхана бочки знаменитого финского пива. Оно настаивается с годами, как моя вода из лужи. Сохрани кубок на память обо мне; но не говори об этом никому ни слова. Таких кубков у меня сотни.

– Спасибо вам, батюшка-домовой, – поблагодарил его старый Мурстен. – Могу я пригласить вас послезавтра на свадьбу? Это, ясное дело, дерзость с моей стороны, но моя правнучка, маленькая Роза, выходит замуж за фельдфебеля Роберта Флинту, и это будет большая честь, если... если...

Старику вдруг пришло на ум, а как отнесется священник к появлению домового, и он осекся.

– Я подумаю, – заметил домовой.

Вскоре они поднялись наверх, и когда старый Мурстен почувствовал, что легкие его наполняются воздухом, ему показалось, будто никогда прежде не дышалось ему так легко. «Нет, за все сокровища тролля не полезу я еще раз в эту ужасную башню», – подумал он.

И вот в старом замке начали убирать, скрести и мыть. Ведь предстояла свадьба. Но вовсе не какая-нибудь знатная барышня из замка в шитом серебряном платье отдавала свою руку рыцарю с

развевающимся на шлеме султаном из перьев и звенящими шпорами. Нет! Это была всего-навсего молоденькая девушка из Або в домотканом хлопчатом платице. Но вы бы видели, как пригожа и хороша была малютка Роза! Бойкий фельдфебель из батальона метких стрелков дал ей понять, что если она только захочет, она со временем может стать генеральшей, после того, когда он сам станет генералом. Малютка Роза сочла это вполне вероятным и пообещала для начала стать фру фельдфебельшей.

Но у Роберта Флинты был соперник, его двоюродный брат по имени Чилиан Грип. Он имел виды на малютку Розу, да, и он тоже! Но не столько ради ее собственной маленькой персоны, сколько ради денег, которые, как он полагал, она получит со временем в наследство. Удача Роберта Флинты привела его в страшную ярость, и он решил, посоветовавшись со своей мамашей Сарой, самой зловредной старой сплетницей в Або, попытаться выведать, как одержать верх. Но не успел сержант ахнуть, как были объявлены оглашение в церкви и свадьба.

Приготовления к свадьбе прошли без сучка и задоринки: пшеничные сухарики поднялись на дрожжах, как булки; кладовые, словно сами по себе, ломались от яств; и даже крысы, которые хотели было к ним подобраться, все до единой попали в западню. Казалось, весь замок помолодел, разбитые стекла вдруг стали все целыми, лестницы оказались вдруг починенными, сдутые ветром печные трубы поднялись вновь. Люди только диву давались, но старый-то привратник хорошо понял, кого следует заподозрить во всех этих дружеских заботах. Ему бы следовало испытывать чувство благодарности, но он думал про себя: «Что скажет священник, когда войдет старый домовый и вывернет свою мерлушковую шапку мехом наружу?»

И вот наступил день свадьбы, собрались гости, а домовый все не показывался. Облегченно вздохнув, привратник также предался свадебному веселью. И музыка, и танцы, и речи были так прекрасны, что под стать и настоящему фельдмаршалу, а не только тому, кто еще только намеревался подняться столь высоко. Малютка Роза была так хороша и казалась такой счастливой в своем простом белом платице с цветком шиповника в волосах! Столь прекрасной невесты никто уже давным-давно не

видывал. А Роберт Флинта вел себя во время полонеза с таким достоинством, словно был уже по меньшей мере генералом.

А когда настал черед выпить за здоровье невесты, все стаканы наполнились сами по себе. Когда же малютка Роза вошла в круг поздравляющих, чья-то невидимая рука надела ей на головку сверкающую драгоценную корону. Гости в зале только диву давались. Все они видели корону, но никто не видел того, кто надел ее на голову невесты. И тогда начали шептаться, что, мол, прадедушка невесты, старый привратник, должно быть, нашел сокровище в одном из подземелий замка.

Старый Мурстен держал свои мысли при себе, в страхе ожидая, как домовой появится среди гостей и, ухмыляясь от удовольствия, спросит:

– Доволен ты моим подарком невесте?

Но домовой не шел, хотя нет, он уже был здесь. Гостиам разносили кофе, когда привратник услышал, как знакомый голос домового шепчет ему на ухо:

– Можно, я возьму сухарик для Мурры?

– Возьми четыре сухарика... возьми всю корзинку, – также шепотом ответил ему ошеломленный привратник.

– Бедняжке Мурре надо чем-нибудь взбодриться, – продолжал голос. – Видишь, старый друг, я принял твое приглашение. Но я не собираюсь выворачивать свою шапку мехом наружу, я не очень-то люблю священника. Как, по-твоему, идет моя корона невесте?

– Она похожа в ней на королеву.

– Еще бы, – заметил домовой. – Это корона Катарины Ягеллоники той поры, когда она была герцогиней Финляндской и жила в Або. Но никому об этом не говори.

– Клянусь, что буду молчать, – прошептал привратник. – Может, ты возьмешь еще крендель для Мурры?

– Мурра ест всего лишь один раз в пятьсот лет. Ей хватит, – ответил домовой. – А сейчас прощай и спасибо за угощение. Здесь наверху так жутко светло, что я хочу поскорее очутиться в моей уютной Полой башне.

На этом шепот прекратился, и привратник обрадовался, что избавился от такого сомнительного свадебного гостя.

На радостях он выпил за здоровье невесты ароматного вина. Но

ему, честному Мурстену, не следовало бы этого делать, потому что он был стар и вино ударило ему в голову. Он стал болтлив и позабыл о том, что надо держать язык за зубами.

Меж тем тетушка Сара и ее сын, разумеется, не преминули явиться на свадьбу. Не спуская завистливых глаз с драгоценной короны, Сара уселась рядом с привратником и стала выговаривать:

– Зачем делать девчонку тщеславной? Лучше продать корону золотых дел мастеру и получить за нее кучу денег, чем учить задирать нос. И если Мурстен нашел корону в подземелье замка, то она все же принадлежит высокому начальству, поскольку и весь замок также его собственность.

– И вовсе не я нашел корону. И не я подарил ее невесте, – рассерженно ответил привратник.

– Сохрани меня боже, кто же еще мог бы подарить невесте такую драгоценность?

– Мадам это не касается, – сказал привратник.

– Не касается меня? Меня не касается, если прокурор явится к моему кровному племяннику-жениху и скажет: «Держи ответ за краденое добро, фельдфебель. Корона краденая».

Честный Маттс Мурстен рассердился и сгоряча наговорил о сокровище в башне больше, чем требовало благоразумие. Сара, выведавшая тайну домового, тотчас подошла к своему сыну и прошептала ему, что в Полой башне спрятаны большие сокровища. Ими надо завладеть, прежде чем кто-нибудь другой про них узнает. Чилиан Грип вызвался пойти за сокровищем. Мать и сын тайком выбрались из зала, раздобыли фонарь, лопату, кирку, веревочную лестницу и, никем не замеченные, отправились вниз в Полую башню.

В глубоком подземелье было темно, каждый шаг отдавался эхом, и крысы в испуге разбежались по своим норам. Потайной фонарь отбрасывал неверный свет на серые, пыльные стены, затянутые паутиной, в которой копошились пауки.

– Кто-то идет за нами... Ты не слышишь шаги? – спросила Сара.

– Это стены отвечают эхом на наши шаги, матушка, – ответил Чилиан.

Да, это малютка Роза и в темноте, и при дневном свете могла

бродить здесь, в этих пустынных залах, одна, ничего не страшась. Но когда совесть нечиста, то дрожишь от малейшего звука!

После долгих поисков они нашли наконец Полую башню. Ледяным, смрадным воздухом повеяло на них из глубины. Неужто они осмелятся спуститься вниз в эту мрачную и холодную дыру?

– Не ходите туда, – повелела им совесть.

– Полезайте туда, – повелела им алчность.

Сержант взял веревочную лестницу, крепко привязал ее у входа в подземелье и первым полез вниз, жадная мамаша следовала за ним по пятам.

Они еще не успели спуститься вниз, как фонарь погас. Черная тьма окутала их, точно мешком. И тут внезапно пара пылающих углей вспыхнула перед ними. Это были глаза кошки Мурры.

– Сдается, лучше нам подняться обратно, – задрожав, прошептала Сара.

Сын ее думал точно так же. Но только они поставили ногу на веревочную лестницу, как замок содрогнулся от страшного грохота. Камни и гравий обрушились в башню и закрыли людям обратный путь. В тот же миг при свете кошачьих глаз они увидели маленькую, серую и скрюченную фигуру домового, его маленькие, крошечные красные глазки и длинную бороду.

– Добро пожаловать в мое жилище, – ухмыльнулся домовый. – Как любезно с вашей стороны желание навестить меня, я же в свою очередь оставляю вас у себя навечно. Я покажу вам мои сокровища, те самые сокровища, которые прились вам так по душе, но которые никогда не станут вашими. Мурра будет вам мурлыкать. Ты должна знать, Сара, что пятьсот лет тому назад Мурра была точь-в-точь такой же старой сплетницей и сквалыгой, как ты. И осталась она у меня по той же самой причине, что и ты. А после того, как она прожила отпущенный ей людской век, она стала кошкой. Этой же чести будешь удостоена и ты, мой друг! Видишь, как глаза Мурры светятся от радости, что наконец-то у нее появилась подруга! А ты, Грип, раз уж ты вор, после того, как проживешь свой людской век, станешь волком среди всех прочих волков. Слышишь, как они воют от радости!

Так Чилиану Грипу с мамашей пришлось остаться навсегда в Полой

башне. Люди поудивлялись, куда это они пропали, но кто станет горевать о сплетнице и кто будет оплакивать вора?

На следующий день старый привратник Мурстен сказал правнучке:

– Роза, свадьба вчера была чудесная, невеста – красивая. Угадай же, дитя мое, кто некогда носил твой венец? Ни больше ни меньше, как Катарина Ягеллоника, герцогиня Финляндская.

– Дедушка, ты смеешься надо мной, – сказала Роза.

– Ты мне не веришь? Мне это достоверно известно. Принеси сюда корону, и ты увидишь, что она отмечена королевским вензелем.

Роза подошла к шкафу, где хранила свой подвенечный наряд, но, изумленная, вернулась обратно. Корона исчезла. Вместо нее лежал лишь кусок ржавого железа.

– Ах, я, старый дурак, – вздохнул привратник, который не мог смолчать. – Я поклялся хранить тайну, которую мне доверили, и я же выдал ее. Дитя, дитя, не выдавай никогда ничего из того, что доверили тебе под клятву молчания.

Роза решила, что старый прадедушка впал в детство. Ведь ему исполнилось уже семьдесят семь лет.

Однако же Маттс Мурстен прожил еще два года, но он не ходил больше в подземелье и по лестницам башни. У него не было ни малейшего желания встречаться со своим старым другом домовым. Потому что по многим признакам он понял, что домовый уже не был так дружелюбен к нему, как прежде. Покои замка никогда больше не убирались невидимой рукой, не поливались цветы, а обвалившиеся стены не восстанавливались. Замок пришел в упадок. Латать и чинить его было бесполезно, ведь ничто не могло противостоять той разрушительной силе, которая свирепствовала теперь в древнем замке. Однажды старый Мурстен сказал Розе:

– Поведи меня на прогулку в замок!

– Хорошо, – ответила Роза. – Куда же ты хочешь пойти, дедушка? В подземелье, в залы или в башню?

– Нет, нет, не в подземелье и даже не в башню. Я могу встретить кого-нибудь на лестницах. Поведи меня к открытому окну на Луру. Мне нужен свежий воздух.

– Тогда пойдем в западный зал, окна которого выходят на устье реки. Я возьму с собой малыша, повезу его в плетеной

колясочке.

(У Розы был уже маленький мальчик, которого называли в честь короля Эрика.)

Они медленно брели по замку. Лучи солнца освещали могучие серые стены и почти девяностолетнего старца, который в последний раз брел по дорожному его сердцу замку. Выглянув в маленькое оконце, он увидел у подножия башни залив, мерцающий и спокойный. Воспетая столь многими Аура катила свои сверкающие воды в залив, а вдалеке виднелись сотни белых парусов, которые колыхали вечерние летние ветры.

Глазами, полными слез, смотрел на все это великолепие старый привратник.

– Ах, – вздохнул он, – скоро этот прекрасный старый замок рассыплется в прах. Древнейший замок Финляндии превратится вскоре в груды камней, и галки напрасно будут искать стену, где бы они могли построить свои гнезда. Если бы я мог спасти старый замок от разрушения, я охотно отдал бы за него свою жизнь.

– Ну, не очень-то дорого он бы тогда и стоил, – сказал хорошо знакомый привратнику голос, и старый домовый, в шапке, вывернутой мехом наружу, вылез из трещины в стене.

– Это вы? – удивленно спросил привратник.

– А кто же еще! – засмеялся старый домовый. – Только я переселился из Полной башни в другую крысиную нору. Не мог выдержать несмолкаемую болтовню старушки Сары. Такая сплетница даже домового заставит обратиться в бегство. Ух, я теперь туг на ухо, я старею, и в мире нынче все измельчало, все вздор и чепуха.

– Это правда, – вздохнул привратник. – Мир становится все хуже и хуже. Но как же это вы позволяете замку прийти в упадок?

– Позволяю? – проворчал домовый. – На это есть причины, я был в дурном расположении духа. Но я не в силах забыть мой старый замок. Я должен, верно, выдержать еще несколько сотен лет, до тех пор, пока борода старца, сидящего внизу, не обовьется вокруг каменного стола. Ты что-то такое говорил, будто готов отдать свою жизнь за старый замок?

– Я бы охотно это сделал, если вы и впредь сохраните его

могущество.

– А на что мне твоя жизнь, старая ты рухлядь, – расхохотался домовой. – Твоя жизнь исчисляется теперь часами. Отдай мне лучше малыша в плетеной колясочке. Он может прожить свои семьдесят – восемьдесят лет и стать мне добрым слугой.

Услышав эти слова, малютка Роза побледнела и склонилась над ребенком, словно пытаюсь защитить его.

– Мою жизнь можешь взять тысячу раз, – сказала она, – но не смей касаться маленького Эрика.

– Вы, люди, удивительное племя, – пробормотал домовой, нахмутив кустистые брови, – не понимаю я вас! Что такое человеческая жизнь? Где был этот ребенок вчера и где будет этот старик завтра? Нет уж, нам, домовым, куда лучше. Не желаю я с вами меняться.

Роза взглянула на него.

– Домовой, – сказала она, – знай же: если бы тебе была тысяча лет и проживи ты еще тысячу, мы все равно проживем дольше, чем ты.

Такие дерзкие слова привели обидчивого домового в ярость.

– Ну берегись же, ты, муравьяха! – воскликнул он и ударил своей рукой о стенку с такой силой, что обломок стены, огромный, как скала, оборвался и со страшным грохотом обрушился с круглого склона.

Еще один такой удар, и вся стена рухнула бы, сокрушив в один миг все живое.

Роза и ее старый прадед упали на колени, готовые к смерти. Но тут внезапно поднятая вверх рука домового замерла и бессильно упала вниз. Его недавно столь суровое лицо стало удивительно печальным, и привратник с Розой увидели, как крупные слезы покатались из его маленьких, красных, моргающих глазок.

Снизу, из самых недр скалы, послышались отдаленные звуки музыки, и песня, такая сладостная, подобной которой никто никогда не слышал, тихо полилась из-под фундамента замка.

– Слышите? – прошептал домовой. – Это старец в недрах горы, тот, что много старше меня!

Они долго слушали в полном изумлении. Наконец песнь смолкла, послышалось бряцанье, казалось, скреживается оружие, и

подземелья замка содрогнулись.

– Старец закончил песню, – пояснил домовой, – и его люди ударяют своими мечами о щиты. Хорошо, что он запел вовремя. А не то бы я свершил такое, в чем потом бы горько раскаивался.

Привратник тем временем опустился на пол.

– Поднимайся, старик-батюшка, – приходя в доброе расположение духа, сказал домовой.

– Поднимайся, дедушка, – попросила Роза и взяла старика за руку, но она тут же безжизненно упала. Маттс Мурстен умер, пока пелась песня.

Лучи вечернего солнца осветили его седые волосы.

– Так, так, – произнес домовой со странной гримасой и с такой странной интонацией в голосе, какой никогда прежде у него не слышали. – Мой старый друг принял злую шутку всерьез. Клянусь моим сокровищем. Я не хотел обидеть ни тебя, ни твоего малыша. Но я хочу сдержать мою клятву, старый товарищ. Этот замок не рассыплется в прах еще целых пятьсот лет, до тех пор, пока рука моя сохранит свою силу. Но ты покинул меня, старый собрат по ремеслу, – продолжал домовой. – Кто поможет мне теперь заботиться о нашем старом замке?

– Вместо дедушки это буду делать я, – заплакала Роза. – А когда мой маленький Эрик станет взрослым, он тоже полюбит старый замок и будет помогать вам так же, как старый прадедушка.

– Тогда Эрик все равно станет моим слугой, – сказал домовой.

– Нет, – ответила Роза, – до конца своей жизни он будет служителем бога и людей.

Старый привратник Маттс Мурстен был похоронен со всеми почестями, под колокольный звон и пение псалмов. После его смерти замок снова стал обретать былой уют. Обрушившаяся стена однажды утром снова приобрела свой прежний вид. Каменщики легко справлялись с другими обрушившимися стенами. Каждый камень казался таким легким, словно кусок коры. Все дыры и трещины заделывались словно сами собой, и часто по ночам было слышно, как кто-то перетаскивал по пустынным залам гравий и камни.

Это делал домовой, верный клятве, которую дал старому

привратнику.

И Абоский замок стоит и поныне.

Сакариас ТОПЕЛИУС. Ertekiler